

ИДИОСТИЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ ЭСТЕТИКИ МЫШЛЕНИЯ, ЯЗЫКА, ПСИХОФИЗИОЛОГИИ, РЕЧИ И ОБЩЕНИЯ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Данная статья посвящена постановке проблемы об идиостилевых аспектах эстетики мышления, языка, психофизиологии, речи и общения той или иной языковой личности (личности мыслящей, владеющей языком, характеризующейся индивидуальными психофизиологическими, речевыми и коммуникативными особенностями). Уместно привести суждение И.А.Бодуэна де Куртенэ: «Здесь, как и во всех прочих отделах языковедения, реальной величиной является не «язык» в отвлечении от человека, а только человек как носитель языкового мышления. Мы должны не классифицировать языки, а только давать сравнительную характеристику людей по свойственному им языковому мышлению» [Бодуэн де Куртенэ, 1963, с. 182].

Можно сказать, что языковая личность – это человек, способный создавать и воспринимать речевые произведения (тексты), различающиеся «а) степенью структурно-языковой сложности, б) глубиной и точностью отражения действительности, в) определённой целевой направленностью» [Караулов, 1987; Караулов, 1989, с. 3]. Иногда под языковой личностью понимается совокупность качеств, позволяющих создавать и воспринимать речевые тексты (далее см. только что приведённую цитату), но в рамках принятого нами подхода под языковой личностью удобней понимать именно человека, но не совокупность абстрактных способностей и качеств, конкретного человека с его именем и фамилией.

Предельная конкретность рассмотрения предмета в данном аспекте позволяет получать предельно богатое знание. Дело в том, что абстрактное в диалектической традиции понимается в широком смысле как «бедность», односторонность знания, а конкретность – как его полнота, содержательность. Избранный нами принцип восхождения от абстрактного к конкретному характеризует направленность научно-познавательного процесса как движение от менее содержательного к более содержательному знанию, от знания бедного к знанию богатому, более подробно об этом принципе см. [Швырёв, 1983, с. 93–94].

Для разграничения понятий «идиолект»/«идиостиль» чрезвычайно плодотворной выглядит идея Юрия Максимовича Скрёбнева, впервые им высказанная в 1975-м году, о разграничении неспецифических, относительно и абсолютно специфических характеристик языковой единицы, см.: [Скрёбнев, 1975, с. 33–39]. Рассуждения лингвиста настолько интересны, что приведём соответствующий фрагмент по более поздней его монографии полностью:

«...Для обозначения набора языковых единиц, обслуживающего ограниченную речевую сферу (более узкую, чем вся речевая деятельность данного общества), воспользуемся фигурирующим в современной лингвистике термином «субъязык».

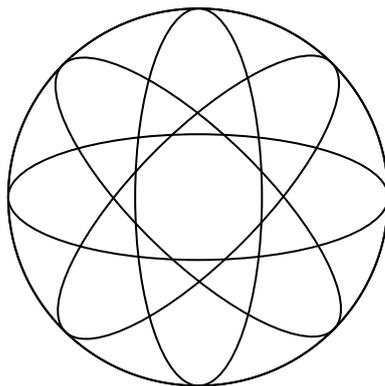
Как показывает схема <см. рис. 1 – А.П.>, все субъекты совмещены (пересекаются) в центральной части круга. Область пересечения, общая для всех субъектов, – это нейтральная область языка, совокупность общеупотребительных языковых единиц. Области пересечения двух или нескольких субъектов содержат единицы, характеризующие соответствующую группу субъектов. Наконец, непересекающиеся участки эллипсов, наиболее удалённые от центра, индивидуальны.

Таким образом, любой субъект состоит из трёх классов языковых единиц:

1) абсолютно специфические единицы, т. е. единицы, свойственные лишь данному субъекту, индивидуально характеризующие его, отличающие его от других субъектов;

2) относительно специфические единицы, принадлежащие более чем одному субъекту, характеризующие группу смежных субъектов;

Рис. 1

3) неспецифические (нейтральные) единицы, общие для всех потенциально выделяемых субъектов, составляющие основу каждого субъекта.

Можно показать, что эти частные системы пронизывают собой все уровни языковой иерархии; на каждом ярусе вычленяются единицы, относящиеся к одной из трёх разновидностей» [Ю.М.Скребнев, 1985, с. 21–22].

В принятой Ю.М.Скребневым логике понятий термин «идиолект» – это субъект конкретного индивида. В идиолекте могут быть обнаружены неспецифические, относительно и абсолютно специфических языковые единицы.

Понятие «идиостиль» в большей степени соотносится с абсолютно специфическими особенностями идиолекта. Идиостиль – это то, что устойчиво отличает один идиолект от другого.

В соответствии с указанным пониманием идиостиля следует говорить об идиостилевых характеристиках мышления, языка, психофизиологии, речи и общения.

Поскольку специальное рассмотрение вопроса об идиостилевых характеристиках мышления, языка, психофизиологии, речи и общения здесь не предполагается, ограничимся общими рассуждениями о стилях мышления, языка, психофизиологии, речи и общения.

Напомним, что стиль вообще – это характерный вид, разновидность чего-н., выражающаяся в каких-н. особенных, отличительных признаках и свойствах, ср.: [Ожегов, 1984, с. 666–667].

Стиль – это совокупность характерных отличий чего-то одного от другого. Но это не просто сумма отличий. – Это устойчивая совокупность характерных отличий чего-либо от другого в одном и том же логическом ряду.

Стили мышления.

Стиль мышления – это устойчивая совокупность отличий одного способа мышления от других.

Какие могут быть выделены стили мышления?

Прежде всего – «мужской» и «женский». Мужской: «Ты меня никогда не любила – вот и сейчас я ухожу на работу голодный» (суждение строится по логике движения от общего к частному). Женский: «Смотри, как ты носки разбросал по комнате, – ты разве любил меня когда-нибудь?» (суждение строится по логике движения от частного к общему).

Стиль мышления может быть рассудочным или интуитивным.

Логично предположить, что при высокой скорости письма, при протекании творческого процесса главным образом в голове (а не на бумаге), при создании художественных произведений в состоянии вдохновения писатель (поэт) в большей степени подвластен интуиции. В то же время при небольшой скорости письма, при работе главным образом на бумаге, при методичной и каждодневной работе художники подчиняют творческий процесс преимущественно рассудочной обработке того материала, который художника занимает. Заметим, однако, что высокая степень преднамеренности и рассудочности никогда не считалась приметой настоящего искусства.

Стиль языкового мышления может быть высокоскоростным или замедленным.

Многие писатели отличаются друг от друга скоростью письма. Сошлёмся на воспоминания В.А.Каверина: «Тынянов в течение полутора месяцев написал "Кюхлю", Стендаль за два месяца продиктовал «Пармский монастырь». Фантастика!"; "К.Федин пропускал по три-четыре строки – с тем, чтобы над каждой из них осталось свободное место для исправлений. Это была, без сомнения, медленная, тщательная работа. Непохоже, стало быть, что он работал быстро. Однажды я пожаловался Фадееву, что за год написал только четыре листа, и он сказал: – Это много» [Каверин, 1982, с. 186]. Вот слова Сергея Викулова о В.Распутине: «...Я невольно припомнил

одно из немногих признаний В.Распутина о том, что пишет он, к сожалению, очень медленно. Что стоит за этим "медленно", он не раскрыл» [Викулов, 1987, с. 4]. Тараторки и молчуны, несомненно, отличаются друг от друга и типами мышления.

По особенностям протекания мыслительного процесса можно различать стиль головной и на бумаге: «У одних отсеб и переплавка словесной руды происходит в горниле души, на бумагу ложится конечный результат, у других весь этот творческий процесс совершается на бумаге. К первому типу поэтов можно отнести Лермонтова, ко второму – Пушкина. В черновиках первого мы обнаружим лишь отдельные поправки, черновики второго – точная картограмма зарождения и рождения стиха» [Фёдоров, 1973, с. 83].

Возможно различие творческого и рутинного стилей мышления. Так, литературно-художественное мышление предполагает чрезвычайную интенсивность мыслительной деятельности (напр., вдохновение), оно характеризуется неожиданностью, новизной результатов, продукта деятельности, – и на уровне мышления литературно-художественное творчество предстает как своего рода сплошное (или очень частое) отклонение от нормы, которая здесь предстает в виде качественно-количественной характеристики нервных затрат. Если обычная, "нормальная" мыслительная деятельность склонна к словесно-логическому типу мышления и приводит к довольно-таки ожидаемым результатам, то творческая мыслительная деятельность тяготеет к образному типу мышления, подпитываемому эмоциями, и приводит к новым, иногда неожиданным результатам. Интенсивность мышления, энергия мыслящей личности «обладает магнетическими свойствами» [Карнеги, 1989, с. 386] и обеспечивает заразительность искусства вообще и художественной речи в частности.

Вероятно, можно говорить даже о русском стиле мышления – в плане отличия этого типа мышления от мышления других народов. Решение этой проблемы невозможно без сопоставления ассоциативных норм русского сознания в плане отличия от подобных норм в сознании носителей другого языка. Обратим внимание на реакции к слову «деньги» – *тратить, платить, считать, получать-получить, иметь, отобрать, рубль, стоить, штраф, давать, копейка, долг, грести, отдать, делать, нуждаться, карман, платили...* И нет слова *зарабатывать*.

Возможно выделение стилей мышления бухгалтеров, учителей, врачей, детей, студентов, первоклашек и даже живущего по соседству Ивана Ивановича.

Несомненно, что количество стилей мышления принципиально неконечно.

Стили языка.

Стиль в языке – это характерные особенности функционирования языка, это регистры языка. Этих регистров в языке никак не меньше, чем на уровне мышления. Количество выделяемых стилей в языке тоже не имеет конечности – оно принципиально неконечно.

Прочитируем Ю.М.Скрёбнева: «Лингвистику не удовлетворяет ни система "трёх штилей", ни система из пяти и более стилей: ей нужны и "стиль технической литературы", и "стиль канцелярский", и "стиль телеграфный", и "стиль архаический", и разговорный стиль, и стиль одного литературного произведения, и стиль повествовательный, или, скажем, стиль авторских отступлений в таком-то романе такого-то автора. Все подобные стили представляют собой понятия несоизмеримые (т.е. не образующие единого классификационного ряда) и социально неравноценные (поскольку "стиль высказываний соседа Ивана Ивановича, возвращающегося домой в день полочки", интересуется меньший круг лиц, чем стиль Пушкина). Однако все они имеют теоретически равные права на описание – могут быть выделены в качестве объектов описания.

<...> В основе социально авторитетных, социально ценных стилей, которые обычно признаются в лингвистическом обиходе, лежат чисто прагматические соображения» [Скрёбнев, 1975, с. 56].

Именно прагматические соображения заставляют нас выделять научный, официально-деловой, публицистический, художественный и разговорный стили языка. Искать объективные границы стилей, дискутировать об адекватности или неадекватности той или иной стилевой классификации равносильно поискам объективных границ климатических поясов или возрастных групп.

Стиль языка – это особенности того регистра в использовании языка, о наличии которого в языке мы догадываемся и предполагаем.

Стили психофизиологии.

Стиль психофизиологических процессов – это устойчивая совокупность отличий одного способа протекания психофизиологических процессов от других. Можно говорить о стиле психофизиологии «потокowego сознания», о стиле психофизиологии стресса, о стиле психофизиологии восприятия и т.д. Ср. цитату из пособия по риторике: «Мы воспринимаем говорящего не только органами слуха, но и мышцами голосо-речевого аппарата, который микродвижениями дублирует его речь. Значит, восприятие речи – это слухомышечный процесс. И если оратор говорит с напряжением, мы ощущаем дискомфорт, нам хочется подвигаться, откашляться или просто на время отключиться от слушания, давая отдых своему голосо-речевому аппарату» [Савкова, 1991, с. 6].

Стили речи.

Стили речи – это реализация стилей языка. Они соотносятся со стилями языка как особенное с общим. Здесь можно говорить о смешении стилей, поскольку в реальном тексте может быть обнаружено влияние разных языковых стилей (вопрос о преднамеренности-непроизвольности здесь опускается).

Стили общения.

Мы можем выделить и стили общения, стили коммуникации. Их не меньше, чем стилей речи. Более того: один и тот же реальный текст может выступить в качестве текстов самой различной коммуникативной и стилевой

направленности (многое зависит от интонации, от мимики и жестов говорящего).

Одна из возможных классификаций стилей общения [Добрович, 1987] разграничивает стили:

- примитивный (собеседник является не партнёром общения, а предметом, нужным или мешающим);
- манипулятивный (собеседник является не партнёром общения, а соперником в игре, которую непременно надо выиграть, а выигрыш может быть материальным, житейским, психологическим);
- стандартизованный (контакт «масок» – маски «нуля», вежливости, любезности, «тигра», «зайца» и т.д.);
- конвенциональный (коммуницирующие субъекты выступают как равноправные партнёры);
- игровой (собеседник подыгрывает ролевому вееру партнёра);
- деловой (партнёр воспринимается как участник очень важной коллективной деятельности);
- духовный (партнёр воспринимается как носитель высокого духовного начала и вызывает благоговение).

В русской культуре умение использовать различные регистры языка всегда было показателем ума и такта собеседника. Умение пользоваться различными регистрами языка – один из важнейших факторов устойчивости общества.

Автор настоящей статьи, будучи школьником, посмеивался над зарисовкой Н.В.Гоголя: «Надобно сказать, что у нас на Руси если не угнались ещё кой в чём другом за иностранцами, то далеко перегнали их в умении обращаться. Пересчитать нельзя всех оттенков и тонкостей нашего обращения. Француз или немец век не смекнёт и не поймёт всех его особенностей и различий; он почти тем же голосом и тем же языком станет говорить и с миллионщиком, и с мелким табачным торгашом, хотя, конечно, в душе поподличает в меру перед первым. У нас не то: у нас есть такие мудрецы, которые с помещиком, имеющим двести душ, будут говорить совсем иначе, нежели с тем, у которого их триста, а у которого их триста, будут говорить опять не так, как с тем, у которого их пятьсот, а с тем, у которого их пятьсот, опять не так, как с тем, у которого их восемьсот, – словом, хоть восходи до миллиона, все найдут оттенки».

Сейчас предельно стало понятно, что Н.В.Гоголь хоть и в иронической форме, но обозначил как факт то, что наши предки более мастерски, чем мы, пользовались различными регистрами, различными стилями языка.

Несомненно, что есть все основания говорить об идиостилевых аспектах эстетики мышления, языка, психофизиологии, речи и общения, говорить о доминировании созидательных или разрушительных начал в эстетике мышления, языка, психофизиологии, речи и общения того или иного индивида, той или иной языковой личности.

Важно подчеркнуть, что психофизиология языковой личности вторична и производна от характера мышления этой личности (экспериментально

установлено, что скорость воплощения мысли в соответствующий психофизиологический процесс чрезвычайно высока – см.: [Веллер, 1999, с. 56–57]). В настоящее время этот факт используется как отправной в спорте высших достижений [Балыкин, Балыкина-Милушкина, 2015]. При доминировании созидательных начал в эстетике мышления, языка, психофизиологии, речи и общения у той или иной языковой личности проблем со здоровьем быть не может, тогда как исполнители разрушительных по своему характеру песен не могут быть здоровыми. Заболевания и ранняя смерть исполнителей, если исключить случаи насильственного прекращения жизни, вероятней всего, – одна из примет разрушительного характера их песен.

В одной из своих статей со студентами мы показали, что на текстовую продуктивность языковой личности в огромной степени влияет также характер протекания детства у данной языковой личности [Пузырёв и др., 2015].

Так что существуют все основания говорить об идиостилевых аспектах эстетики мышления, языка, психофизиологии, речи и общения той или иной языковой личности.

Литература

Балыкин А.И., Балыкина-Милушкина Т.В. Метод оценки ресурсного потенциала спортсмена (на примере вольной борьбы, женщины) // Современная наука: опыт, инновации, перспективы: III Международная научно-практическая конференция (Астрахань, 02 октября 2015 г.). Астрахань, 2015. С. 10–14.

Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию: В 2-х т. – М.: АН СССР, 1963. Т. 2. 392 с.

Веллер М. Всё о жизни. – СПб.: Издательский Дом «Нева», 1999. 752 с. (Имена).

Викулов С. Верим и ждём // Учит. газета. 12.03.1987. С. 4.

Добрович А.Б. Воспитателю о психологии и психогигиене общения. – М.: Просвещение, 1987. 207 с.

Каверин В.А. «Память – это ключ от былого»: (Вёл беседу А.Плутник) // Известия. 15.07.1984. С. 3.

Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Наука, 1987. – 264 с.

Караулов Ю.Н. Русская языковая личность и задачи её изучения // Язык и личность. – М., 1989. С. 3–8.

Карнеги Д. Как завоевывать друзей и оказывать влияние на людей: Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1989. 720 с.

Ожегов С.И. Словарь русского языка: Ок. 57000 слов / Под ред. докт. филол. наук Н.Ю.Шведовой. – 16-е изд., испр. – М.: Русский язык, 1984. 797 с.

Пузырёв А.В. Детство известных писателей и объём их произведений / А.В.Пузырёв, М.Андреев, А.Григорян // Язык и мышление: Психологические и лингвистические аспекты: Материалы XV-й Международной научной конференции (Орехово-Зуево, 13-15 мая 2015 г.) / Отв. ред. проф. А.В.Пузырёв. – М.: Ин-т языкознания РАН, Институт русского языка РАН; Орехово-Зуево: ГОУ ВО МО «Московский государственный областной гуманитарный институт», 2015. С. 77–91.

Савкова З.В. Энергия живого слова. – СПб.: Знание, 1991. 32 с. (О-во «Знание» РСФСР, Ленингр. организация).

Скребнев Ю.М. Очерк теории стилистики: Учебное пособие для студентов и аспирантов филол. спец-тей. – Горький: ГГПИИЯ, 1975. 175 с.

Скребнев Ю.М. Введение в коллоквиалистику / Под ред. докт. филол. н. О.Б.Сиротининой. – Саратов: Изд-во СГУ, 1985. 210 с.

Фёдоров В.Д. Наше время такое: О поэзии и поэтах. – М.: Современник, 1973. 512 с., 1 л. портр. (Б-ка «О времени и о себе»).

Швырёв В.С. Восхождение от абстрактного к конкретному // Философский энциклопедический словарь. – М., 1983. С. 93–94.